

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИТАЯ И АСЕАН

Рассматривается история развития взаимоотношений Китая с АСЕАН. Анализируются различные сценарии развития диалогового формата в рамках АСЕАН («АСЕАН+3», «АСЕАН+1») с позиции интересов КНР. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что АСЕАН не может безучастно относиться к Китаю. Появление новой региональной структуры оценивается как успех главным образом китайской дипломатии, свидетельство признания Китая в Азии как лидера и локомотива азиатского развития.

Ключевые слова: Китай; АСЕАН; взаимоотношения; сотрудничество; международная политика; регионализм; интеграция; глобализация.

Одним из направлений вовлечения КНР в процесс глобализации является ее участие в регионализации, которая представляет собой необходимый этап экономической глобализации на долгом пути к всемирной интеграции. Китай должен «деятельно включаться в региональное и субрегиональное сотрудничество, особенно в работу восточноазиатской группы, поскольку развитие региональных и субрегиональных организаций не только способствует, но и стимулирует формирование многообразного нового мирового порядка» [1. С. 179]. Кроме того, на азиатских рынках китайская экономика более конкурентоспособна по сравнению с американской, чем на мировых. Китай понимает регионализм как явление, противостоящее глобализму. Олицетворяя взаимозависимость стран и выход интересов экономических субъектов за национальные границы, он, тем не менее, ограничивает сферу их действия региональными рамками [2. С. 26]. Особенность азиатского регионализма состоит в том, что в регионе отсутствует межгосударственная структура типа ЕС. Поэтому политико-институциональный вакуум стимулирует поиск странами Азии вариантов и направлений развития азиатского регионализма, особенно в свете негативных итогов азиатского финансового кризиса 1998 г.

Пекин считает, что в долгосрочном плане подъем Азии является «неодолимой, императивной исторической тенденцией». Обосновывается необходимость продвижения Пекином концепции «азиатского регионализма» и разработки «китайской стратегии регионализма». «Китайская стратегия азиатского регионализма» в первую очередь нуждается в высвобождении от традиций идеологии, свойственной системе старого типа «сюзерен – данник», и внедрении идеологии азиатского согласия, связанной с системой национальных государств, чтобы общая цивилизация будущей Азии служила орудием внутрирегионального сплочения и вместе с тем была своего рода противовесом, предотвращающим слепую нетерпимость и неприятие «открытости» [3. С. 123].

Китай пытается предпринимать шаги, нацеленные на взаимодействие с другими государствами мира на трех уровнях: глобальном – в рамках ВТО и МВФ, сотрудничества с США и ЕС, с «большой семеркой» (восьмеркой); региональном первой значимости – в рамках форумов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Шанхайской органи-

зации сотрудничества (ШОС), Восточно-Азиатского сообщества (ВАС); региональном второй значимости – в рамках форума «Азия-Европа» (АСЕМ), развитие интеграционных связей со странами Африки и Латинской Америки [Там же. С. 124]. Таким образом, Китай имеет все предпосылки для своего превращения в центр наиболее динамично развивающегося региона мира и, на этой основе, в срединное государство новой мировой структуры.

Дружеские связи Китая с Южной Азией берут начало во времена династий Хань и Тан. Китайские деловые сети зародились еще в XIII в. Ведущее положение страны как торговой державы привело к возникновению крупных сообществ китайских предпринимателей во всех странах Юго-Восточной Азии (ЮВА). Объединенные неформальными отношениями, основанными на доверии, китайские деловые сети обеспечивали защиту прав собственности и снижение рисков трансграничной торговли. При этом в отличие от европейской практики торговая интеграция не сопровождалась колониальными захватами и политическим доминированием.

Начиная с XV в. китайские купцы успешно встраиваются в систему мировой торговли, созданную европейцами. В XIX в. за пределами Китая в Юго-Восточной Азии проживало уже больше 2 млн китайцев. К середине XX в. совокупные инвестиции диаспоры в экономику Китая составили почти 130 млн долл. (по курсу 1937 г.) [4. С. 26]. К примеру, Вьетнам и Китай – страны-соседи, история взаимоотношений которых уходит в глубь веков и насчитывает более двух тысяч лет. Геополитика и идеология всегда влияли на характер вьетнамо-китайских связей. В древности и Средневековье добрососедство сменялось войнами, был период почти тысячелетнего принудительного вхождения Вьетнама в состав Китайской империи. Освободившись, Вьетнам вплоть до конца XIX в. оставался на положении номинального вассала-данника феодального Китая [5. С. 107]. Господствовавшее во Вьетнаме веками конфуцианство пришло туда из Китая, отсюда же проникал и буддизм. Конфуцианство обусловило культурно-идеологическую близость и общность многих социальных институтов Вьетнама и Китая. Именно в конфуцианской идеологии находила свое обоснование и та форма межгосударственных отношений, которая связывала Вьетнам с Китаем и была основана на признании Вьетнамом культурного и политического превосходства Китая.

Революция 1949 г. в КНР привела к массовой эмиграции из континентальной части страны, что лишь увеличило масштабы трансграничных сетей. Открытие экономики в результате реформ сопровождалось восстановлением контактов с аналогичными неформальными сетями в КНР.

По разным оценкам, сегодня китайское население Юго-Восточной Азии составляет от 20 до 30 млн человек, оно контролирует значительную часть экономических активов региона. К примеру, в Малайзии на его долю приходится почти треть населения и две трети экономики, в Индонезии – около 3% населения и 70% активов, в Таиланде – соответственно 10 и 90%. Интерес китайского бизнеса к странам Азии постоянно растет. Если в 1972–1991 гг. на них приходилось лишь 14,5% ПИИ (прямые иностранные инвестиции), вложенных китайскими ТНК в неторговый сектор, то в 1992–1996 гг. этот показатель вырос более чем вдвое (до 35%), а в 1997–2002 гг. составил уже 66% [6. С. 49]. Китайские деловые сети далеко не всегда оперировали в благоприятной внешней среде. В Индонезии азиатский кризис 1998 г. вызвал массовые волнения, сопровождавшиеся нападениями на этнических китайцев и их собственность; в Малайзии начиная с 70-х гг. проводилась новая экономическая политика, помимо всего прочего предусматривающая сокращение влияния китайских бизнес-сообществ. Несмотря на это китайские сети по-прежнему остаются важным экономическим игроком в Юго-Восточной Азии.

Стремление обеспечить доминирующие позиции в ЮВА уже давно является одним из главных внешнеполитических приоритетов Китая. При Мао Цзэдуне эту цель пытались реализовать путем насильственного свержения существовавших в странах ЮВА политических режимов с опорой на подпольные коммунистические партии и партизанские армии [3. С. 123]. Результатом такой политики стало усиление недоверия местных элит Юго-Восточной Азии к коммунистическому руководству в Пекине и практически полное прекращение политических и экономических связей этих стран с Китаем [7. С. 3].

В 70-х гг. зародилась система диалогов Ассоциации с ведущими государствами мира, поддерживающими с ней активные политические и экономические связи. В разное время такими партнерами Ассоциации стали Австралия, Индия, Канада, Китай, Россия, Новая Зеландия, Республика Корея, США, Япония и ЕС. Подобное сотрудничество подразумевает создание такой системы рабочих органов, которая позволяет определять и развивать его перспективные и взаимовыгодные направления. В качестве головных органов такого механизма, как правило, формируются совместные комитеты сотрудничества (СКС), которые курируют деятельность рабочих групп. В свою очередь рабочие группы разрабатывают проекты сотрудничества и представляют их на рассмотрение и одобрение СКС. Для реализации согласованных проектов создаются, в том или ином виде, финансовые фонды [8. С. 48].

Восстановление отношений КНР со странами ЮВА, начавшееся в 1980-е гг., было связано не

столько с примирением, поисками доверия и компромисса с правящими режимами этих стран, сколько с резкой активизацией китайской экспансии на Юг – на острова Южно-Китайского моря – Парасельские и Спратли. Тогда китайское руководство проводило политику энергичного проникновения в регион ЮВА, причем главную роль в этом процессе играли не экономические, а военно-политические методы. Борьба вокруг Парасельских островов и островов Спратли с Вьетнамом, которая закончилась настоящим морским сражением и гибелью в 1988 г. вьетнамского военного корабля, неожиданные высадки китайских десантов на незанятые острова архипелага Спратли, воинственные заявления относительно принадлежности всех островов Южно-Китайского моря Китаю и, наконец, захват рифов Мисчиф в 1995 г., что поставило китайско-филиппинские отношения на грань военного конфликта, – все это были вполне очевидные проявления определенного политического курса [3. С. 125].

Плюсы и минусы этого курса для Пекина были очевидны. С одной стороны, реальное продвижение и захват территорий, которые могли быть использованы и как трамплин для нового продвижения и военно-политического давления, и для обеспечения экономических интересов в случае обнаружения на шельфе островов Спратли крупных запасов нефти. Но с другой – этот курс предполагал напряженные и натянутые отношения с большинством стран АСЕАН, которые перед лицом китайских угроз активно перевооружались, старались укрепить отношения с США и в той или иной мере препятствовать китайской экспансии.

В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века внешнеполитическая стратегия и соответственно теория и практика китайской дипломатии в Азии и в остальном мире во многом определялись установкой Дэн Сяопина на «сокрытие своих возможностей» [9. С. 39]. Это в определенной степени сдерживало региональную и глобальную активность Китая. С ростом экономической открытости и реальной силы Китай стал проявлять все больший интерес к участию в международных институтах, к их реорганизации и обновлению, а в ряде случаев стал приобретать в них ведущую роль. Соответственно изменилось отношение Китая к региональному сотрудничеству в области экономики и безопасности. С середины 90-х гг., т.е. в период сближения со странами АСЕАН, в Пекине о своем стремлении к военно-политическому доминированию в регионе заявлять перестали [10. С. 9].

По всей видимости, в определенный момент в Китае поняли ограниченность и низкую эффективность военно-политических подходов и существенным образом видоизменили суть и манеры своего поведения со странами Юго-Восточной Азии. Китай перешел к реализации иного плана действий, смысл которого состоял не в том, чтобы путем военных акций захватывать слабо защищенные участки региона ЮВА, а в том, чтобы поставить страны ЮВА в такое положение, когда Китаю для достижения своих целей даже не понадобится прибегать к военно-полицейским мерам. Поэтому вместо конфронтации и противостояния правящим режимам в странах ЮВА Китай сделал поворот в направлении поиска большего доверия,

установления с ними самых разнообразных связей и взаимозависимостей. В 1991 г., после окончания холодной войны, впервые начались официальные контакты КНР и АСЕАН. С началом трансформации экономических моделей двух стран КНР и СРВ стали сближаться. В 1991 г. отношения были официально нормализованы и сейчас успешно развиваются [11. С. 75]. Хотя и в настоящее время существует ряд проблем – в основном они связаны с территориальными спорами вокруг архипелага Спратли.

В 1991 г. китайский министр иностранных дел Цянь Цичэнь принял приглашение участвовать в церемонии открытия 24-й сессии конференции министров иностранных дел стран – членов АСЕАН. После этого министр иностранных дел КНР ежегодно участвовал в форумах министров иностранных дел этой организации. В июле 1994 г. Китай в качестве партнера-консультанта принял участие в первой конференции министров иностранных дел регионального форума АСЕАН. В 1996 г. КНР стала партнером по всестороннему диалогу этой организации. В конце 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь принял участие в конференции «АСЕАН+1» и приложил усилия к установлению с АСЕАН «партнерских отношений добрососедства и взаимного доверия, обращенных в XXI век». В конце 2003 г. китайский премьер Вэнь Цзябао, участвуя во встрече в формате «10+1», договорился с руководством АСЕАН об установлении «стратегических партнерских отношений». За период с начала развития отношений в 1991 г. и до решения о «стратегических партнерских отношениях» в 2003 г., т.е. за неполные 12 лет, в их характере произошел этапный скачок [7. С. 4]. Первоначально упор в отношениях Китая и АСЕАН был сделан на опережающем развитии экономики и торговли. Так, если в 1994 г. товарооборот Китая и стран АСЕАН не превышал 15 млрд долл., то в 2003 г. он превысил 50 млрд долл. Вслед за этим был взят курс и на создание атмосферы партнерства, добрососедства и взаимного доверия [Там же].

Первые контуры такой политики проявились в 1997 г., когда был создан Совместный комитет по сотрудничеству, который быстро стал одним из важных каналов поддержания связей между Китаем и АСЕАН, координируя их взаимодействие в разных областях. Вслед за этим в Пекине обнародовали пять основных направлений участия в делах ЮВА. Эти направления следующие: сотрудничество в области сельского хозяйства; создание и внедрение современных высоких технологий; эффективное использование трудовых ресурсов, в том числе создание базы для сближения условий функционирования бизнеса в странах АСЕАН и в Китае; расширение взаимных инвестиций; участие Китая в реализации гидроэнергетических и мелиоративных проектов в бассейне реки Меконг [12. С. 247]. Естественно, все эти направления экономического сотрудничества с Китаем не могли не заинтересовать страны АСЕАН, ибо речь шла о подходах к решению наиболее важных и существенных для них проблем. Среди китайских предложений о сотрудничестве особенно выделялся пункт, касающийся совместного освоения бассейна Меконга. По-

тенциально это очень опасный для единства АСЕАН пункт, ибо здесь Китай выступал не партнером АСЕАН как единого целого, а скорее как партнер отдельных стран блока – Лаоса, Таиланда, Камбоджи и, в меньшей степени, Вьетнама.

Переломным моментом в отношениях АСЕАН и КНР можно считать события, связанные с финансово-экономическим кризисом 1997–1998 гг. Китай сумел проявить себя крайне позитивно в глазах правящих элит стран АСЕАН: он не девальвировал юань и оказал довольно значительную помощь особо пострадавшим от кризиса странам, тем самым заметно исправив свой имидж в их глазах.

Китай также поспешил использовать волну антиамериканских настроений, порожденных финансовым кризисом. В то время как Вашингтон медлил, Пекин выделил 1 млрд долл. на поддержку экономики стран региона в наиболее критический момент. Экономическая деятельность КНР в странах ЮВА в посткризисный период во многом была направлена на то, чтобы в их коллективном сознании стать фактором экономической стабильности, склонить чашу весов при выборе между противостоянием в целях безопасности и экономическим сближением в пользу последнего. Кризис способствовал расширению влияния Китая в ЮВА, поскольку в его поступках приоритеты оказались не на стороне жестких постулатов, касающихся вопросов безопасности, а в направлении развития экономических возможностей [13. С. 33]. Китай прекрасно воспользовался охлаждением отношений между странами АСЕАН и США и ростом азиатского национализма, выступающего как откровенный антиамериканизм и антизападничество. Кроме того, на фоне стремительного экономического роста китайской экономики правящие элиты многих стран АСЕАН увидели в Китае локомотив азиатской экономики, а в обширном китайском рынке – реального конкурента рынку американскому. При этом, в отличие от США, Китай не выдвигал никаких политических условий для развития сотрудничества, скорее, сам шел на выполнение асеановских требований вроде присоединения к договору 1976 г. о безопасности в Юго-Восточной Азии или договору о правилах поведения при решении споров относительно раздела шельфовых зон в Южно-Китайском море [14. С. 30]. Все это сыграло важную роль в продвижении Китая в страны ЮВА. Последовавший вслед за этим позитивный ответ стран – членов АСЕАН на новую китайскую политику сближения и сотрудничества был вполне объясним и связан с действием нескольких важных факторов:

– сложное экономическое положение, в котором оказались страны АСЕАН, когда они потеряли львиную долю прямых иностранных инвестиций, которые после кризиса переориентировались на Китай, что резко ослабило их позиции;

– очевидный кризис в отношении региональных правящих элит к политике стран Запада, и прежде всего США. Доверие этих элит к Западу в ходе кризиса оказалось очень сильно подорвано, ибо их самлюбие было уязвлено неприкрытым западным диктатом, проводником которого стал МВФ. В связи с этим и

произошло заметное изменение психологической атмосферы в регионе. Почти повсеместно в правящих кругах стран АСЕАН стало проявляться антизападничество и паназиатский национализм, что стало дополнительным фактором, способствовавшим развитию сотрудничества с Пекином;

– быстро увеличивавшийся экономический потенциал Китая позволял рассматривать его как новый «мотор» азиатской экономики и регионального развития. Поэтому ту политику, которую могли позволить себе страны АСЕАН в отношении экономически слабого Китая в 1970–1980-е гг., они не могли уже проводить в отношении сильного Китая 2000-х гг. [7. С. 5].

Дружественные связи между Китаем и государствами Южной Азии налаживались стараниями нескольких поколений руководителей. Вэнь Цзябао особо призвал молодое поколение усилить это общение, учиться друг у друга и сообща вписать новую главу в историю дружеских связей Китая и Южной Азии. Обеспечение в известной степени традиционной дружбы Китая со странами Южной Азии выступает одной из отправных установок внешней политики КНР на историческую перспективу [4. С. 29].

Процесс встраивания Китая в региональные интеграционные связи происходит, прежде всего, на двух уровнях – на уровне функционирования форума АТЭС и на уровне субрегиональных интеграционных группировок, таких как АСЕАН. Пекин признает, что в силу своей организационной громоздкости, а также доминирования американской экономики АТЭС не способен стать эффективным двигателем азиатских интеграционных процессов в АТР. В этих условиях Китай поддерживает и иницирует развитие субрегиональной экономической интеграции в формате «АСЕАН+1» (Китай) и «АСЕАН+3» (Китай, Япония и Южная Корея). Китай видит себя в качестве связующего интеграционного моста между СВА и ЮВА. При этом он всячески подчеркивает открытый характер формируемых группировок с тем, чтобы не вызывать излишней подозрительности США, категорически выступающих против закрытых торговых блоков.

Следующим уровнем региональной интеграции выступает объединение «АСЕАН+3» – Китай, Япония и Южная Корея. В целях углубления экономического взаимодействия между асеановцами и восточноазиатской «тройкой» (Китаем, Японией, Южной Кореей) в противостоянии кризисным явлениям в мировом хозяйстве обсуждалась идея создания Зоны свободной торговли в Восточной Азии и учреждения Восточно-Азиатского валютного фонда. Однако резкие политические противоречия и территориальные споры между главными партнерами не стимулируют укрепление интеграционных процессов в этом формате. Ранее данные разногласия практически затормозили перспективные интеграционные проекты в СВА [14. С. 4].

Не оправдались оптимистичные прогнозы о возможности образования новой азиатской региональной общности по формуле «10 + 3». Эти прогнозы были основаны на достигнутом на встречах лидеров 13 стран в 2000 г. в Сингапуре решении о создании единой для всего региона зоне свободной торговли с

равноправным участием асеановской десятки, Китая, Японии и Южной Кореи [15. С. 5].

Укрепление и развитие азиатского регионализма, т.е. интеграции и усиления взаимозависимости ряда стран внутри Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – непреложный факт. В основе его лежит предположение, что, опираясь на поддержку друг друга и взаимодействуя друг с другом, эти государства сумеют противостоять любому будущему кризису. При этом нельзя не учитывать, что объективно существуют три центра азиатско-тихоокеанской интеграции, три главных игрока на региональном интеграционном поле – США, Япония и Китай [16. С. 3]. Для подхода Китая к концепции азиатской регионализации характерна максимальная осторожность. Поддержав в принципе диалог по проблемам экономического сотрудничества стран АСЕАН плюс Япония, Южная Корея и Китай, Пекин пока ограничил общение с представителями других стран уровнем заместителя министра финансов, резервируя для себя право не спешить с принятием обязательных решений.

В политико-дипломатическом плане АСЕАН пыталась ухаживать за этой тройцей примерно так же, как в период зарождения самой Ассоциации Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины ухаживали за Индонезией. Теперь, как видно, аналогичные предложения получали от АСЕАН ближайшие соседи – прежде всего Китай и Япония. Присутствие в конфигурации «10 + 3» сразу двух таких крупных, далеко не во всем между собой согласных, но обреченных на сотрудничество участников имело принципиальное значение и открывало немалые возможности для поиска баланса интересов. Наедине с любым из них АСЕАН вполне могла почувствовать неудобства. Зато пребывание в одной структуре с обоими позволяло апеллировать к одному, если возникнут разногласия с другим, посредничать между ними, когда они поспорят сами, и пользоваться новым форумом как оболочкой, внутри которой смягчаются проблемы, мешающие главному, ради чего все это придумано. А общую цель, как представляется, видели в восстановлении экономического динамизма и политической управляемости на уровне региона с благотворными последствиями для каждой отдельной страны [17. С. 63]. Максимально гибкий подход к заключению ССТ (соглашение о свободной торговле) практикует АСЕАН. Накопив солидный опыт внутрорегионального экономического сотрудничества, выработав во многом оригинальные способы обходить острые углы, добиваться консенсусных решений, Ассоциация распространяет наработанную практику на свои отношения с внерегиональными партнерами. Сначала с ними заключаются «рамочные соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве», которые служат базой для реализации программы «раннего урожая», затем для заключения отдельного соглашения о торговле товарами и последующих переговоров о торговле услугами и пр. [18. С. 44]. Гибкость такого подхода позволяет странам АСЕАН заключать индивидуальные соглашения с этими же партнерами, а также в случае необходимости временно воздерживаться от участия в коллективных соглашениях, что, впрочем,

неоправданно усложняет комплекс действующих ССТ в этом регионе.

С точки зрения перспектив экономического развития стран АСЕАН важнейшее значение имеет заключенное соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН – Китай. Это будет крупнейшая в мире зона свободной торговли. Параллельно усиливается тенденция к заключению отдельными странами группировки соглашений о зонах свободной торговли уже на двусторонней основе. В целом можно констатировать, что сегодня АСЕАН превратилась во влиятельный центр притяжения в Азиатско-Тихоокеанском регионе уже не только в политической, но и в экономической сфере [8. С. 49]. Отношения между Китаем и странами АСЕАН на мировом рынке товаров и капиталов последние годы оставались противоречивыми, поскольку существуют объективные предпосылки для взаимной конкуренции. Вступление Китая в ВТО в 2001 г. страны АСЕАН встретили настороженно, на что есть объективная причина. Из-за снижения в КНР импортных тарифов обострилась конкуренция за американский и европейский товарные рынки, да и поток инвестиций, прежде всего из США, переключился на Китай, куда идет почти 80% всех прямых иностранных капиталовложений в Восточную Азию (без Японии).

Экономические и военные усилия КНР развиваются в тесном взаимодействии с возрастанием ее политической активности. В 2001 г., когда подписывался первый документ о создании зоны свободной торговли Китая и АСЕАН, и речи не было о каких-либо вариантах политической интеграции [10. С. 9].

На протяжении длительного времени Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, активно развивая отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами. Вступая в XXI в., КНР разработала стратегию мирного развития, отвечающую задачам, обусловленным новой международной обстановкой и ситуацией внутри страны. Был выдвинут внешнеполитический курс добрососедства, предписывающий поддержание хороших отношений с соседними странами, установление с ними партнерских связей [19. С. 39]. Все это имеет стратегическую значимость для углубления связей Китая с соседними государствами и создания благоприятной международной обстановки на китайской периферии, для развития экономики КНР и модернизации страны.

Прежде всего, политические отношения Китая с соседними странами явно улучшились. После холодной войны он установил или восстановил дипломатические отношения с Сингапуром, Борнео, Республикой Корея, Лаосом, Индонезией, Вьетнамом и другими странами. К настоящему времени со всеми соседними государствами КНР имеет дипломатические отношения. На протяжении 90-х гг. XX в. Китай успешно разрешил проблему государственной границы с Непалом, Монголией, Пакистаном, Афганистаном, Лаосом, Вьетнамом, Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном [Там же. С. 41].

Обобщая историю развития отношений между Китаем и АСЕАН за период после окончания холодной войны и до настоящего времени, можно обнаружить

любопытную взаимосвязь: в процессе подъема Китая его отношения с АСЕАН последовательно развивались. После окончания холодной войны и вплоть до последнего десятилетия прошлого века в Китае в основном реализовывался второй этап стратегии «трех шагов», т.е. этап «достаточности». Этот примерно 10-летний период рассматривается в качестве подготовительного этапа к подъему Китая. Встраивая этот этап истории развития Китая в контекст общемировой архитектоники и сопоставляя с развитием отношений Китая с АСЕАН, можно обнаружить, что подъем Китая также сопровождался последовательным развитием отношений Китая с АСЕАН [20. С. 33].

С учетом прошлого подъем Китая и развитие его отношений с АСЕАН демонстрировали позитивную взаимосвязь. Процесс подъема Китая влияет на китайскую внешнюю политику и влечет за собой позитивную взаимосвязь. Государство само формулирует национальную стратегию, культурную политику, а также интересы национальной безопасности. Чем выше степень позитивного признания международным сообществом статуса государства, тем яснее характерные особенности его стратегии и культуры, ориентированные на сотрудничество, тем явственней переносится центр тяжести интересов безопасности в направлении экономической безопасности и безопасности сотрудничества. И основное взаимодействие этого государства с международным сообществом может с еще более значительной степенью вероятности вылиться в плодотворное сотрудничество. В процессе двадцатилетнего взаимодействия КНР с международным сообществом положение Китая, его представления о стратегии, культуре и безопасности подвергались коррекции и изменениям. Это имело важное значение для позитивной интеграции КНР в международное сообщество и давало ей возможность еще более повысить собственную конструктивную роль в плане сотрудничества и ответственного подхода. Сотрудничество по вопросам энергетики затрагивает интересы и безопасность всего мира. Правительство и народ Китая продемонстрировали бескорыстие при оказании помощи другим странам в период финансового кризиса в Юго-Восточной Азии в 1998 г., а также в 2004 г. во время ударов цунами в Индийском океане. Китай стал, таким образом, «гарантом» безопасности и стабильности [21. С. 151].

Китай все более охотно принимает участие в многосторонних механизмах, проектируемых, иницированных и возглавляемых АСЕАН. К примеру, в 1994 г. КНР вступила в руководимую АСЕАН организацию многостороннего диалога по вопросам безопасности АТР (региональный форум АСЕАН), а в 1997 г. примкнула к объединению «10+1» и механизму сотрудничества Восточной Азии «10+3». В конце 2002 г. Китай и АСЕАН подписали «заявление о деятельности сторон в Южно-Китайском море», «чтобы мирным путем разрешать между собой территориальные и юридические споры и не прибегать к вооруженной силе или угрозе ее применения». В конце 2003 г. Китай присоединился также к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» и заключил с АСЕАН юридиче-

ские гарантии «решения споров мирными средствами» [20. С. 34].

В вопросе об интересах в области безопасности Китай уделяет возрастающее внимание сотрудничеству с АСЕАН в сфере нетрадиционной безопасности. В конце 2002 г. Китай и АСЕАН заключили «Рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве», которое могло интерпретироваться как обеспечение экономической безопасности обеих сторон путем создания зоны свободной торговли Китай – АСЕАН. Одновременно было подписано «Совместное заявление Китая и АСЕАН о сотрудничестве в области нетрадиционной безопасности» [Там же]. Китай и АСЕАН постоянно заняты поиском форм и путей решения щепетильных проблем. Китайские инициативы – главный фактор позитивных взаимоотношений.

Таким образом, географические и исторические факторы определяют то, что АСЕАН не может безучастно относиться к Китаю. Подъем этой региональной державы в первую очередь влияет именно на соседние страны ЮВА. До прихода западных колониза-

торов в ЮВА отношения Китая и стран региона не носили завоевательного характера. Китай не устанавливал политического и экономического господства над соседними странами, как это сделали позднее западные колонизаторы. В период холодной войны общая особенность Китая и стран ЮВА состояла в том, что их взаимоотношения серьезно сдерживались взаимодействием двух сверхдержав – США и СССР. А после окончания холодной войны реакция на подъем Китая стала важной темой собственного развития и внешней стратегии АСЕАН. Контакты, балансирование и сотрудничество являются главными альтернативами АСЕАН в отношении подъема Китая. А эти альтернативные направления политики требуют позитивного, доброго отношения к развитию Китая. За последние годы интеграция в Большой Восточной Азии развивается все более интенсивно. Появление новой региональной структуры оценивается как успех главным образом китайской дипломатии, свидетельство признания Китая в Азии как лидера и локомотива азиатского развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мэнь Хунхуа. Международные механизмы и стратегический выбор Китая // *Общественные науки Китая*. 2000. № 2. С. 178–187.
2. Гао Шуцинь. Внешняя политика КНР в условиях глобализации // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 3. С. 25–28.
3. Канчуков С.А. Глобализация и китайская концепция азиатского регионализма: опасности и угрозы // *Философия образования*. 2006. № 2. С. 117–127.
4. Кузнецов В. Китай – Южная Азия: отношения с соседями складываются нестандартно // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 5. С. 26–34.
5. Мурашева Г.Ф. Политика Вьетнама в отношении Китая в начале XXI в. // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2007. № 4. С. 100–112.
6. Либман А. Модели корпоративной интеграции: региональные особенности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 5. С. 47–53.
7. Мосяков Д. Китай и страны АСЕАН // *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 8. С. 2–5.
8. Иванов А. Ядро интеграции в АТР // *Международная жизнь*. 2003. № 2. С. 43–53.
9. Бергер Я. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 1. С. 34–51.
10. Мосяков Д. Новые тенденции в политике Китая в Юго-Восточной Азии // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 1. С. 9–11.
11. Кочкин П. Основные факторы и тенденции развития экономических отношений между СРВ и КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 5. С. 66–81.
12. Пэн Пэн. Теория мирного подъема: Китай – великая держава, на распутье дорог. Гуандун: Народное издательство Гуандун, 2005. 352 с.
13. Гусев М. Юго-Восточная Азия. В поисках формулы безопасности // *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 6. С. 30–35.
14. Карчава А. Перспективы дальнейшей интеграции // *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 1. С. 3–5.
15. Мосяков Д. Китай – Япония. Очередная схватка // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 6. С. 3–6.
16. Михеев В. Китай. Перед новым выбором // *Азия и Африка сегодня*. 2000. № 4. С. 2–8.
17. Сумский В. Юго-Восточная Азия в холодной войне и глобализирующемся мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 4. С. 60–67.
18. Мурадов К. Региональные и двусторонние соглашения о свободной торговле // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 7. С. 40–48.
19. Лю Цинцай. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 2. С. 33–42.
20. Чжай Кунь. 1991–2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН – исторический обзор и стратегия на будущее // *Проблемы Дальнего Востока*. 2005. № 5. С. 32–43.
21. Ли Синь. Об оздоровлении мирового порядка и новом мышлении в китайской дипломатии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 3. С. 150–154.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 июля 2014 г.

HISTORY OF CHINA-ASEAN RELATIONS

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 148-154.

Khodova Sofiya S. Vladivostok State University of Economics and Services (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sofia_khodova@mail.ru

Keywords: China; ASEAN; relations; cooperation; foreign policy; regionalism; integration; globalization.

One of the directions of involvement of the People's Republic of China in globalization is its participation in regionalization which represents a necessary stage of economic globalization on a long way to the world integration. China understands regionalism as a phenomenon resisting globalism. Representing interdependence of the countries and an expansion of interests of economic subjects across national borders, it, nevertheless, limits the sphere of their action to a regional framework. The Chinese strategy of Asian regionalism first of all needs release from traditions of ideology and introduction of ideology of the Asian consent connected with the

system of the national states so that the general civilization of future Asia served as the tool of intra-regional unity and at the same time was some kind of an antidote preventing blind intolerance and rejection of "openness". The aspiration to provide dominating positions in Southeast Asia has long been one of the main foreign policy priorities of China. Restoration of the relations of the People's Republic of China with the Southeast Asian countries that began in the 1980s was connected not so much with reconciliation, compromise and trust searches with the ruling regimes of these countries, but with sharp activation of the Chinese expansion to the south – on the islands of the South China Sea – the Paracels and Spratlys. In the late 1980s – early 1990s the foreign policy strategy and respectively the theory and practice of the Chinese diplomacy in Asia and in other world was in many respects defined by the orientation of Deng Xiaoping toward "concealment of the opportunities". To a certain degree it constrained the regional and global activity of China. However, with the growth of economic openness and real force China began to show an increasing interest in participation in the international institutes, in their reorganization and updating, and in some cases began to get the leading role in them. Respectively the relation of China to regional cooperation in the field of economy and safety changed. Since the middle of the 1990s, that is during the rapprochement with the ASEAN countries, Beijing ceased to declare the aspiration to military-political domination in the region. Originally the emphasis in the relations of China and ASEAN was made on the advancing development of economy and trade. The turning point in the relations of ASEAN and the People's Republic of China can be considered to be the events connected with the financial and economic crisis of 1997 – 1998 China managed to prove itself extremely positively in the opinion of the ruling elite of the ASEAN countries: it did not devalue yuan and gave quite a significant help to the countries especially affected by the crisis, thereby considerably correcting its image in their eyes. From the point of view of the prospects of the ASEAN countries' economic development the concluded agreement on creation of a free trade zone of ASEAN – China is essential. It will be the world's largest free trade zone. In parallel a tendency amplifies to conclude groups of agreements on free trade zones by certain countries already on a bilateral basis. As a whole it is possible to note that today the ASEAN turned into an influential center of gravity in the Asia Pacific Region not only in the political, but also in the economic spheres.

REFERENCES

1. Men Honghua. Guoji jizhi yu Zhongguo de zhanlue xuanze. *Zhongguo shehui kexue*, 2000, no. 2, pp. 178-187. (In Chinese).
2. Gao Shutsin'. Vneshnyaya politika KNR v usloviyakh globalizatsii [China's foreign policy in the context of globalization]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2005, no. 3, pp. 25-28.
3. Kanchukov S.A. Globalizatsiya i kitayskaya kontseptsiya aziatskogo regionalizma: opasnosti i ugrozy [Globalization and the Chinese concept of Asian regionalism: dangers and threats]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*, 2006, no. 2, pp. 117-127.
4. Kuznetsov V. Kitay – Yuzhnaya Aziya: otnosheniya s sosednyami skladyvayutsya nestandardno [China – South Asia: relations with the neighbors are developing outside the box.]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 5, pp. 26-34.
5. Murasheva G.F. Vietnam's policy towards China in the early 21st century. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2007, no. 4, pp. 100-112. (In Russian).
6. Libman A. Modeli korporativnoy integratsii: regional'nye osobennosti [The model of corporate integration: regional aspects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no. 5, pp. 47-53.
7. Mosyakov D. Kitay i strany ASEAN [China and ASEAN countries]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2004, no. 8, pp. 2-5.
8. Ivanov A. Yadro integratsii v ATR [The kernel of integration in the Asian Pacific region]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*, 2003, no. 2, pp. 43-53.
9. Berger Ya. Bol'shaya strategiya Kitaya v otsenkakh amerikanskikh i kitayskikh issledovateley [China's Grand Strategy in the estimates of US and Chinese researchers]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 1, pp. 34-51.
10. Mosyakov D. Noveye tendentsii v politike Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii [New trends in China's policy in Southeast Asia]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2006, no. 1, pp. 9-11.
11. Kochkin P. Osnovnye faktory i tendentsii razvitiya ekonomicheskikh otnosheniy mezhdru SRV i KNR [Main factors and trends in the development of economic relations between Vietnam and China]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 5, pp. 66-81.
12. Peng Peng. *Heping jueqi lun: Zhongguo chongsu daguo zhilu*. Guangdong: Guangdong renmin chubanshe, 2005. 352 p.
13. Gusev M. Yugo-vostochnaya Aziya. V poiskakh formuly bezopasnosti [Southeast Asia. In search of safety formula]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2004, no. 6, pp. 30-35.
14. Karchava A. Perspektivy dal'neyshey integratsii [Prospects for further integration]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2003, no. 1, pp. 3-5.
15. Mosyakov D. Kitay – Yaponiya. Ocherednaya skhvatka [China - Japan. Another battle]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2002, no. 6, pp. 3-6.
16. Mikheev V. Kitay. Pered novym vyborom [China. Facing the new choice]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2000, no. 4, pp. 2-8.
17. Sumskiy V. Yugo-Vostochnaya Aziya v kholodnoy voyne i globaliziruyushchemsya mire [Southeast Asia in the Cold War and the globalizing world]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2005, no. 4, pp. 60-67.
18. Muradov K. Regional'nye i dvustoronnie soglasheniya o svobodnoy trgovle [Regional and bilateral free trade agreements]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2007, no. 7, pp. 40-48.
19. Lyu Tsintsay. KNR: geopoliticheskaya sreda i vneshnyaya politika dobrososedstva [China: the geopolitical environment and the foreign policy of good neighborhood]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 2, pp. 33-42.
20. Chzhay Kun'. 1991-2020: pod'em Kitaya i razvitie otnosheniy mezhdru Kitaem i ASEAN - istoricheskiy obzor i strategiya na budushchee [1991-2020: The Rise of China and the development of relations between China and ASEAN - historical overview and strategy for the future]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2005, no. 5, pp. 32-43.
21. Li Sin. Ob ozdorovlenii mirovogo poryadka i novom myshlenii v kitayskoy diplomatii [On the recovery of the world order and new thinking in Chinese diplomacy]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 3, pp. 150-154.

Received: 08 July 2014